

Дворик Опавшего Ветра

Прислонившись к стволу дерева, юноша лениво вытянул руку, пытаясь заслонить лицо от тонкого луча солнца, пробивавшегося сквозь густую листву.

Его ладонь была совсем бледной и крошечной. Детской ладошкой.

Утренний туман стлался так густо, что весь мир вокруг казался размытым, зыбким — даже эта маленькая белая рука.

«... Просто глупая шутка, верно?»

С тех пор как он очутился здесь, миновало уже семь лет. Первые три года прошли в полузабытьи, в липком, туманном мареве младенчества. Еще два ушли на бесплодные попытки отрицания — он просто отказывался верить в происходящее. И лишь последние два года юноша наконец нашел в себе силы признать очевидное: он действительно переродился в теле ребенка, полностью сохранив воспоминания о прошлой жизни.

Но даже теперь его то и дело грызло сомнение. Вдруг эта новая жизнь — лишь мимолетный, затянувшийся сон?

«Всего лишь шутка...»

Долго, не отрываясь, он созерцал свою детскую ладонь, а затем бессильно опустил руку.

— Ах, молодой господин! Ну что же вы творите? А ну-ка слезайте немедленно!

Этот тревожный, дребезжащий возглас донесся издалека, бесцеремонно нарушив ход его мыслей. На дорожке появилась пожилая женщина с аккуратно уложенными серебряными волосами. Задрав голову, нянюшка испуганно смотрела на примостившегося на толстой ветке ребенка. Тот глядел на нее сверху вниз яркими, как полированные рубины, глазами, а его длинные, чистейшего серебра волосы легким шелком рассыпались по плечам.

— Фу-ма, что-то случилось? — спросил мальчик, оторвавшись от созерцания тумана и глядя на суetyщуюся внизу старушку.

«Молодой господин... Тянь Цаньцюэ...»

Он прикрыл глаза. В памяти невольно всплыл тот самый первый, едва различимый голос, который он слышал, едва явившись в этот мир.

— Мой дорогой господин, золото вы мое ненаглядное! Да слезайте же скорее, прошу вас! — Фу-ма испуганно следила за тем, как мерно покачивается ветка под весом ребенка, и ее собственное сердце, казалось, замирало в такт этим движениям.

— Не беспокойся, Фу-ма. Я просто смотрю, — безмятежно улыбнулся Тянь Цаньцюэ, устремив взор вдаль. — Отчего сегодня в поместье так шумно?

— Да так... ничего особенного, — замялась старушка. В ее глазах промелькнуло хорошо скрываемое замешательство.

— Говорят, у владыки сегодня родился сын? — любопытствовал мальчик. В его голосе не было ни капли зависти, лишь легкий, праздный интерес.

— Молодой господин! Но ведь вы — его первенец! — запальчиво возразила Фу-ма, превратно истолковав его спокойствие. В ее глазах вспыхнула застарелая обида.

— Вот как, — тихо отозвался Тянь Цаньцюэ, продолжая мягко улыбаться.

«Первенец? Старший сын? Вряд ли мне суждено познать благословение этой роли. Какой еще сын за семь лет своей жизни ни разу не удостоился взгляда собственных родителей?»

— Молодой господин! Старая нянька не лжет вам! — заметив его равнодушие, не на шутку разволновалась Фу-ма. — Если бы владыка не заботился о вас, разве прислал бы он сюда столько наставников? Притом лучших из лучших!

— Конечно, ты права, — согласился мальчик. У него не было ни малейшего желания спорить со старушкой, преданно заглядывающей ему в глаза.

— Ну все, время поджидает, мне пора на занятия, — прервал он нянюшку, заметив, что та собирается засыпать его новыми доводами.

— Да-да, конечно, ступайте... — закивала Фу-ма, но отставать не собиралась, послушно семеня следом и продолжая тихонько ворчать под нос.

Тянь Цаньцюэ лишь покачал головой. На его лице отразилось кроткое смирение, но в душе разлилось приятное, щемящее тепло.

Книжная обитель

— Приветствую вас, учитель, — вежливо поклонился Тянь Цаньцюэ вошедшему мужчине.

Лань Фэн ступал неторопливо, размеренно. На нем был длинный халат сочного василькового цвета, а холеное бледное лицо украшали тонкие ухоженные усы. Ему уже перевалило за тридцать, однако время словно обходило его стороной, не оставив на коже ни единой морщины. Его открытые запястья и шея белизной и шелковистостью превосходили кожу юных дев.

— М-м, — безучастно отозвался наставник. — Вчерашний урок усвоен?

— Да, — мальчик шагнул вперед и почтительно протянул аккуратные записанные листы с записями.

Учитель даже не взглянул на каллиграфию. Вместо этого он сразу же задал ученику несколько каверзных, глубоких вопросов. Только когда Тянь Цаньцюэ без малейшего промедления ответил на каждый из них, суровое выражение лица Лань Фэна слегка смягчилось.

— Изучи сегодня это. Появятся вопросы — спрашивай, — небрежно бросил Лань Фэн, пододвинув к нему увесистый трактат.

Сам же учитель, как и всегда, устроился в глубоком кресле с высокой спинкой и прикрыл глаза, погружившись в полудрему. Казалось, он совершенно забывал, что перед ним сидит всего лишь семилетний ребенок. Впрочем, Тянь Цаньцюэ и вправду давно перерос этот возраст.

Мальчик послушно сидел за столом, тихо шурша страницами. Книга давалась ему легко, однако равнодушное отношение наставника вызывало смутные подозрения. Ни один разумный учитель не стал бы выдвигать столь жесткие требования к столь малому дитяти.

Что это — особый метод воспитания или нечто иное?

Он задумчиво перелистывал пожелтевшую бумагу, нахмурившись.

Когда солнце заметно сместилось к западу, Тянь Цаньцюэ понял, что время урока истекло, и негромко позвал дремлющего наставника.

— Закончил? — зевнул Лань Фэн и, поднявшись с кресла, по обыкновению направился к выходу.

— Учитель.

На этот раз мальчик не стал молча провожать его взглядом.

— Что-то еще? — Лань Фэн удивленно обернулся у самой двери.

— Я бы хотел попросить вас об одной услуге, — после недолгого молчания взвешенно произнес Тянь Цаньцюэ.

Он посмотрел на Лань Фэна, на миг замялся, но тут же взял себя в руки и опустил взор.

«Рано или поздно мне придется заявить о себе. Как бы абсурдно ни выглядело мое нынешнее положение, вечно прятаться в тени этой глухой усадьбы нельзя».

Мальчик едва заметно и горько усмехнулся.

— Так о чем речь? — поторопил его Лань Фэн, видя, что ученик погрузился в свои мысли.

— Я бы хотел попросить... отца, — это слово далось ему с трудом. Называть «отцом» человека, которого он за семь лет ни разу не видел, казалось не просто странным — в этом сквозила злая ирония. Но Тянь Цаньцюэ пересилил себя: — Попросить отца прислать мне наставника по игре на цине.

Сказав это, он замер в ожидании ответа, внимательно наблюдая за реакцией собеседника.

«Раз уж я заперт в теле их ребенка, пора прощупать почву. Нужно понять, как они ко мне относятся».

От этой мысли ему вдруг стало смешно.

«Что в прошлой жизни, что в этой... мои родственники упорно отказываются быть нормальными людьми».

Тянь Цаньцюэ слабо улыбнулся — в этом выражении сквозила глубокая самоирония.

— Хорошо, — коротко бросил Лань Фэн после секундной паузы. Он не стал расспрашивать о причинах столь внезапной просьбы, лишь сухо кивнул и вышел из кабинета.

— Вот и всё, — тихо прошептал ему вслед Тянь Цаньцюэ.

— И это всё, чего он возжелал? — Тянь Исюань лениво крутил в пальцах изящный нефритовый кубок, с неподдельным интересом выслушивая доклад наставника.

— Именно так, — кивнул Лань Фэн. — Владыка, возможно... вам стоит навестить его? Мальчику пошел восьмой год, он не может вечно сидеть взаперти в этом крошечном дворике.

— Вот как? И каковы его успехи в учении? — Тянь Исюань проигнорировал предложение, лишь тонко улыбнулся и перевел разговор на другую тему.

— Старший молодой господин наделен выдающимся, редким умом, — после секундного замешательства ответил Лань Фэн.

— Хм, неужели? — Владыка заговорщически прищурился. — Что ж, раз он желает играть на цине, пусть учится. Препятствовать не стану.

— Слушаюсь. Отправить к нему Посланницу Циня? — на всякий случай уточнил Лань Фэн, хотя в глубине души уже не сомневался, что обучать ребенка поручат их соратнице.

— Посланницу? С чего бы это? — Тянь Исюань приподнял бровь, и в его взгляде промелькнул злобный огонек.

— Но кто же тогда?.. — Лань Фэн опешил. Неужели в Поднебесной сыщется тот, чье мастерство превосходит игру великой хранительницы струн?

— Наша Посланница действительно недурно владеет инструментом, — небрежно протянул Тянь Исюань, безошибочно угадав смятение собеседника. — Однако по сравнению с тем человеком ее мастерство — лишь жалкое брнчание.

— Тем человеком? — растерянно повторил Лань Фэн, силясь сообразить, о ком идет речь. Внезапно догадка озарила его разум, и он испуганно округлил глаза: — Неужели вы имеете в виду бывшего Господина Семи Отчаяний?.. Владыка, но ведь он ненавидит вас всей душой! Его ненависть въелась в самую его плоть и кровь!

— И что с того? — презрительно фыркнул Тянь Исюань, вальяжно откинувшись на спинку резного кресла. — К нему отправляюсь не я и не ты. Чего ради ты так раскудахтался?

— Но... но он же убьет мальчика! — Лань Фэн с трудом сглотнул слюну, чувствуя, как липкий холод заползает под воротник халата.

— Ну, тут пятьдесят на пятьдесят, — задумчиво почесал гладкий подбородок Тянь Исюань. — После стольких лет в моих подземельях, я полагаю, он скорее предпочтет оставить щенка в живых, чтобы изоощренно мучить его изо дня в день. Это куда веселее быстрой расправы.

— Впрочем, исключать вспышку слепого гнева тоже нельзя, — продолжил рассуждать владыка. — Если он придушит паршивца в первую же секунду — что ж, значит, тому просто не повезло. А для великих свершений удача важна не меньше таланта.

— Как прикажете... — пролепетал Лань Фэн. Спорить было бесполезно. В глубине души он мимолетно пожалел Тянь Цаньцюэ, обреченного на заклятие, и поспешил откланяться.

— Ах да, чуть не забыл, — окликнул его Тянь Исюань, когда Лань Фэн уже коснулся дверной ручки. — Раз уж его наставником станет этот безумец... передай моему сыну: если через полгода его игра не будет соответствовать моим ожиданиям, тогда...

Владыка поразительно нежно и тепло улыбнулся. Но у Лань Фэна от этого мягкого взгляда по спине пробежал ледяной пот. Он слишком хорошо знал, что кроется за этой лаской. Такие улыбки владыки сулили только кровь и смерть.

—...тогда я лично переломаю ему обе руки, — Тянь Исюань досадливо нахмурился, разглядывая дно своего кубка, словно говорил о какой-то суетной мелочи вроде завядшего цветка.

— Дворцу Поднебесной не нужен калека, который к тому же является никчемным ничтожеством.

Владыка вскинул глаза на бледного Лань Фэна, и на его лице снова заиграла привычная, порочно-притягательная улыбка истинного безумца.

<http://bllate.org/book/19906/2028564>